

Лирика природы

Мотивы природы занимают видное место в лирике Пушкина. Пушкин описывает природу как живописец-реалист: каждый человек может на основании собственных наблюдений подтвердить точность картин природы у Пушкина. Но в то же время описание природы у Пушкина не сухо и не холодно — оно согрето лирическим отношением поэта к природе, оживлено присутствием мыслящего и чувствующего человека.

Стихотворение «К морю» было написано Пушкиным перед отъездом поэта из Одессы в Михайловское. Оно еще носит романтический характер: море рисуется носителем тех же чувств и настроений, какими проникнут сам поэт; романтически дана тема одиночества поэта в мире.

В стихотворении Пушкин, прощаясь с морем, подчеркивает, что море близко и дорого ему как воплощение мятежной и свободной стихии, гордой красоты. Море вызывает у Пушкина воспоминание о гордых, сильных, могучих и мятежных людях — «властителях дум» начала XIX века.

Стихотворение построено на контрасте образов свободного моря и скованного ссылкой и надзором Пушкина. Оно выражает муку поэта, его горячее, но безуспешное стремление к свободе, его глубокую неудовлетворенность миром.

С переездом в Михайловское Пушкин расстается с романтической лирикой, он переходит к реализму. В связи с этим изменяется и его пейзажная лирика. В ней исчезают «земли полуденной волшебные красы», «пустыни, волн края жемчужны и моря шум, и груды скал». Их место занимают «иные картины»:

Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины.
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи —
Да пруд под сенью лип густых,
Раздолье уток молодых —

заявляет сам поэт в «Отрывках из путешествия Онегина».

В своей реалистической пейзажной лирике Пушкин рисует внешне скромную, но милую его русскому сердцу красоту и поэзию родной природы. Таковы его стихотворения «Зимний вечер» (1825), «Зимняя дорога» (1826), «Зимнее утро» (1829), «Туча» (1835), «Вновь я посетил...» (1835) и др. Пейзажи Пушкина поражают верностью действительности и в то же время согреты лирическим чувством. Пушкин достигает этого то включением в описание природы народно-песенных мотивов:

Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

(«Зимний вечер»),

то установлением какой-то внутренней связи между природой и мелодией народных песен:

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.
Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:

То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

(«Зимняя дорога»)

Лексика, синтаксический строй речи, интонация стиха приобретают у Пушкина в конце 1820-х и в 1830-х годах иной характер — более простой, предельно реалистичный и народный. Показательно в этом отношении различие в описаниях одной и той же картины окрестностей Михайловского, данных в стихотворениях: «Деревня» (1819) и «Вновь я посетил...» (1835).

В «Деревне» тон речи более приподнятый, ораторский, в языке много славянизмов и принятых в то время в поэзии слов:

Здесь вижу двух озер **лазурные равнины**,
Где **парус рыбака** белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и **мельницы крылаты**...

Насколько же проще по лексике и задушевнее по тону дано описание этой же картины в стихотворении «Вновь я посетил...»:

Вот холм лесистый, над которым часто
Я сживал недвижим — и глядел
На озеро...
Меж нив золотых и пажитей зеленых
Оно, синее, стелется широко;
Через его неведомые воды
Плывет **рыбак** и тянет за собой
Убогий невод. По берегам **отлогим**
Рассеяны деревни — там за ними
Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при ветре...

Стихотворение «Осень» — это настоящая живопись в словах, точная реалистическая картина природы и в то же время своеобразная авторская исповедь. Изумительно дано сочетание картин природы и лирических настроений поэта.

Первые девять строф дают картины природы в разное время года, но преимущественно осенью, в любимую Пушкиным пору. Стихотворение разворачивается как непринужденная беседа поэта с читателем. На основе этой разговорно-беседной мелодии применены разнообразные интонации в соответствии с содержанием той или иной строфы. Так, спокойная повествовательная интонация первой строфы, в которой нет авторского «я», сменяется в следующих строфах лирически или иронически окрашенным тоном, в зависимости от отношения поэта к рассказываемому. Трогательно звучат, например, пятая и шестая строфы, посвященные описанию умирания природы поздней осенью:

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой,
Красою тихою, блистающей смиренно.
Так нелюбимое дитя в семье родной
К себе меня влечет. Сказать вам откровенно,
Из годовых времен я рад лишь ей одной,
В ней много доброго; любовник не тщеславный,
Я нечто в ней нашел мечтою своенравной.

Здесь речь поэта приобретает более интимный, задушевный оттенок; появляется прямое обращение к читателю, подбираются трогательные сравнения.

Общий тон беседы, дружески-простой и медлительной, поддерживается шестистопным ямбом и своеобразной рифмовкой: первые четыре строки имеют перекрестную

рифму, пятая и шестая совсем не имеют рифмы, а седьмая и восьмая строки связаны смежной рифмой — в нечетных строфах — женской, а в четных — мужской.

По С. Флоринскому

Среди лирических стихотворений Пушкина есть такие, которые воспроизводят красоту природы и отношение к ней поэта. Находясь на юге, под живым впечатлением грандиозной природы наших окраин, Пушкин дает ее роскошное описание, преимущественно в своих байронических поэмах — картины Кавказа и Крыма. В этот период описания южной природы встречаются в таких стихотворениях, как «Редает облаков летучая гряда...», «Виноград», «Земля и море», «Желание», «Посвящение к Кавказскому пленнику», «К морю».

Позднее, когда Пушкину пришлось прожить несколько лет в русской деревне средней полосы (в Михайловском, в Болдине) и когда, вместе с тем, его талант, окрепнув и освободившись от разных литературных влияний, стал принимать чисто русское направление, то есть когда поэт обратился к родным мотивам, к творчеству в среде обыденной русской действительности, тогда Пушкин пришел к осознанию, что и в нашей северной природе есть много прекрасного, много говорящего русскому чувству. Среди крупных произведений Пушкина такое, так сказать, обрусение его таланта доказывается его «Евгением Онегиным», среди мелких — целым рядом лирических описаний чисто русской природы — картин, написанных рукой опытного и проникнутого любовью к этой бедной природе художника. Пушкин сознательно относился к такому повороту своего таланта, на это есть указания и в «Евгении Онегине», например в «Путешествии Онегина»:

В ту пору мне казались нужны
Пустыни, волн края жемчужны,
И моря шум, и груды скал...

и в лирических стихотворениях, например, в стихотворении «Румяный критик мой, насмешник толстопузый...», являющемся ответом Пушкина критику, недовольному пристрастием поэта к изображению «печальных деревень».

«Смотри, какой здесь вид», — говорит, между прочим, в этом стихотворении Пушкин:

...избушек ряд убогий,
За ними чернозем, равнины скат отлогий,
Над ними серых туч густая полоса.
Где нивы светлые? где темные леса?
Где речка? На дворе у низкого забора
Два бедных деревца стоят в отраду взора,
Два только деревца, и то из них одно
Дождливой осенью совсем обнажено,
И листья на другом, размокнув и желтея,
Чтоб лужу засорить, лишь только ждут Борея.
И только.

Этот серенький пейзаж, — замечает один из критиков, — воспроизводящий представления осени в степном селении восточной России, составляет одну из типичнейших картин русской действительности.

Осень была любимым временем для Пушкина и была временем особенного развития его творческой деятельности вообще. Она приносила ему нравственное спокойствие, равновесие всех сил, необыкновенную бодрость мысли. На севере он радовался туманной и дождливой осени и боялся сухой и светлой, как предательницы, которая влечет к прогулкам и рассеянности. Оттого-то так хороши описания осени у Пушкина, как в приведенном отрывке, так и в других лирических произведениях. Особенно замечательна

из них элегия «Осень» (1833), поражающая своими живыми красками и звучным, величавым течением стиха:

Октябрь уж наступил — уж роща отряхает
 Последние листы с нагих своих ветвей;
 Дохнул осенний хлад — дорога промерзает,
 Журча еще бежит за мельницу ручей,
 Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
 В отъезжие поля с охотою своей,
 И страждут озими от бешеной забавы,
 И будит лай собак уснувшие дубравы.

...

Унылая пора! Очей очарованье!
 Приятна мне твоя прощальная краса —
 Люблю я пышное природы увяданье,
 В багрец и в золото одетые леса,
 В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
 И мглой волнистою покрыты небеса,
 И редкий солнца луч, и первые морозы,
 И отдаленные седой зимы угрозы.

...

И с каждой осенью я расцветаю вновь;
 Здоровью моему полезен русский холод;
 К привычкам бытия вновь чувствую любовь:
 Чредой слетает сон, чредой находит голод;
 Легко и радостно играет в сердце кровь,
 Желания кипят — я снова счастлив, молод,
 Я снова жизни полн...

Белинский замечает по поводу этого стихотворения:

«Что для прежних поэтов было низко, то для Пушкина было благородно; что для них была проза, то для него была поэзия. Осень для него лучше весны или лета, и, читая стихотворение “Осень”, вы не можете не согласиться с ним, по крайней мере, на то время, пока не увидите его же картины весны и лета».

Последние строфы этого превосходного, но, к сожалению, не оконченного стихотворения представляют тонкое изображение самого процесса поэтического вдохновения, которое в самые тяжелые для поэта минуты давало ему то высокое наслаждение, о котором он говорит в стихотворении «Безумных лет угасшее веселье»:

И забываю мир — и в сладкой тишине
 Я сладко усыплен моим воображеньем,
 И пробуждается поэзия во мне:
 Душа стесняется лирическим волненьем,
 Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
 Излиться наконец свободным проявленьем —
 И тут ко мне идет незримый рой гостей,
 Знакомцы давние, плоды мечты моей.

...

И мысли в голове волнуются в отваге,
 И рифмы легкие навстречу им бегут,
 И пальцы просят к перу, перо к бумаге,
 Минута — и стихи свободно потекут.

Среди других стихотворений Пушкина, воспроизводящих северную природу, следует вспомнить такие, как: «Зимний вечер», «Зимняя дорога», «Туча», «Бесы», «Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю...», изображающее, между прочим, в противоположность стихотворению «Осень» такой момент жизни Пушкина, когда он делает неудачные попытки предаться творчеству.

В 1829 году Пушкину представился случай вторично побывать на Кавказе, в Грузии и Армении. Плодом этой поездки было несколько описательных стихотворений, большей частью с легким элегическим оттенком. Все они, по замечанию Анненкова, — замечательно свежие и смелые картины природы. Таковы «На холмах Грузии лежит ночная мгла...», «Дон», «Монастырь на Казбеке», «Кавказ», «Обвал». Наконец, следует указать на мрачное по содержанию, но превосходное по форме и своему оригинальному тону стихотворение «Анчар», проникнутое идеей о величии самоотречения, пред которым тускнеет весь блеск славных дел, совершаемых благодаря этому самоотречению.

По Е. Воскресенскому

Уже в ранний период творчества Пушкина (1814–1820) такими ценностями, в которых поэт искал выхода из классовых противоречий своей среды, была более простая и идейно оправданная (в противоположность светскому быту) жизнь в обстановке умственного труда и культурного роста и такая же безыскусственная, далекая от барских тепличных пейзажей природа. С годами усиленно крепнет и углубляется его творческое внимание к реальной жизни и к реальной природе как к источникам здорового мирозерцания. Об этом говорят исключительные по художественной силе жанровые и пейзажные зарисовки Кавказа, Крыма, Бессарабии, рассеянные среди его лирических стихотворений. Крымская природоописательная лирика Пушкина — это настоящие гимны солнцу, морю и вечнозеленой крымской флоре. В стихотворении «Редает облаков летучая гряда...» (1820) поэт дает картину восхода южного солнца, которое по его впечатлениям, освещает страну и природу чарующей красоты и обаяния:

Я помню твой восход, знакомое светило,
Над мирною страной, где все для сердца мило,
Где стройны тополы в долинах вознеслись,
Где дремлет нежный мирт и темный кипарис,
И сладостно шумят полуденные волны.

К этому «прелестному краю», где «роскошью природы оживлены дубравы и луга», он обращается и в стихотворении «Желание» (1821) и в ряде других произведений. Но особенно чарует поэта южное море. Оно для него не просто выражение вечно Действенной красоты и мощи природы, но и символ той свободы, перед которой он продолжает благоговеть. Уезжая летом 1824 года из Одессы, он обращается к морю с полными искреннего пафоса и глубокого смысла, словами:

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.
...
Как я любил твои отзывы,
Глухие звуки, бездны глас,
И тишину в вечерний час,
И своенравные порывы!

«К морю» (1824)

«Торжественную красу» южного моря поэт с этих пор считает неотъемлемой частью своего художественного охвата реальной природы и обещает перенести его яркие краски и звуки в тусклую обстановку жизни на далеком севере:

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн.

Как художник-реалист, поэт исполнил свое обещание; по его гениальному почину и под его творческим воздействием русская поэзия освоила в реалистически художественном преломлении «торжественную красу» и южного моря, и южной природы вообще в ее чарующих картинах и проявлениях.

По И. Замотину

В ряду лирических произведений Пушкина особенно замечательны те, в которых поэт описывает природу. По словам Белинского, Пушкин не углубляется в тайный язык природы, но созерцает ее удивительно верно и живо; он не мыслит о ней, а рисует ее. В этом отношении критик сравнивает Пушкина с немецким поэтом Гете:

«Пушкин более, нежели Гете, верен художническому своему элементу; напротив, Гете — весь мысль: он не просто изображал природу, а заставлял ее раскрывать перед ним ее заветные и сокровенные тайны. Для Гете природа была раскрытая книга идей, для Пушкина она была полная невыразимого, но безмолвного очарования живая картина».

Доказательством могут служить два стихотворения: «Кавказ» и «Обвал». В первом поэт изображает картину кавказской природы и ее обитателей. Воображая себя на высоте снежной вершины, поэт созерцает то, что ему представляется внизу. На одной с ним высоте неподвижно парит орел; далее он видит низвергающиеся водопады, за ними сухой кустарник и мох, далее зеленые рощи, где щебечут птицы и скачут олени, наконец, людей, гнездящихся в горах, и реки Арагву и Терек. Художественность языка этого стихотворения изумительна. Одним словом или выражением поэт рисует ясную и живую картину: словами «люди гнездятся» описаны жилища горцев, прилепленные к скалам, подобно птичьим гнездам; стих «и нищий наездник таится в ущелье» прямо указывает на горца в нравственном отношении, то есть на его хищнический характер. Сравнение Терека с молодым зверем, завидевшим пищу из железной клетки, наглядно изображает и течение реки, и, окружающие ее, высокие скалистые громады. Такой же живописью отличается и та картина, которую поэт рисует в стихотворении «Обвал»: колорит местности кавказской природы и здесь сохранен с удивительной точностью.

Не только величественные, но и самые обыденные картины природы описаны у Пушкина с неподражаемым искусством и производят на читателя чарующее впечатление. Таково, например, стихотворение «Осень», где описание природы гармонично переплетается с выражением личных чувств поэта, что придает особую живость и самому описанию. Обычно осень считают дурным временем года, но поэт нашел в ней привлекательную сторону, которую и выразил в прекрасной картине:

Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса...

Так же правдиво, с такой же простотой описана у Пушкина и другая картина осени в стихотворении «Румяный критик мой, насмешник толстопузый...», которое было написано в обличение фальши, господствовавшей в современных идиллиях:

Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогий,
За ними чернозем, равнины скат отлогий,
Над ними серых туч густая полоса.
Где нивы светлые? где темные леса?

Где речка? На дворе у низкого забора
Два бедных деревца стоят в отраду взора,
Два только деревца, и то из них одно
Дождливой осенью совсем обнажено,
И листья на другом, размокнув и желтея,
Чтоб лужу засорить, лишь только ждут Борея.
И только.

Таким образом, можно заключить, что Пушкин из небогатого материала умел извлекать образы, исполненные высокой прелести; кроме того, в его описаниях очень нередко просвечивает настроение самого поэта, им не чужд субъективный элемент.

По С. Бураковскому

Лирические стихи Пушкина передают нам не только красоту человека, но и живую красоту природы, ибо созерцание природы у Пушкина является неотъемлемой чертой естественной, гармонической жизни.

В допушкинской лирике очень большое внимание уделялось природе. Но, как видно на примере стихотворений Жуковского, поэты были бессильны передать живую картину природы: «брега благовонные Алфея» при своей абстрактности не ничего говорили ни уму, ни сердцу.

Кроме того, и отношение к природе у лириков до Пушкина было другое. Они или искали в природе какого-то тайного смысла, или пытались представить ее как олицетворение собственных настроений. Объективная картина природы заменялась воображаемой, в зависимости от чувств и переживаний поэта. Достаточно сравнить подобные изображения природы с пейзажными стихотворениями Пушкина: «Кавказ», «Обвал», «Зимнее утро», «Туча», «Осень» и др., чтобы заметить принципиально иной подход великого поэта к природе.

Пушкин любил природу. Это так гармонировало с его стремлением к естественности, независимости, стремлением убежать из рабской столицы, где «Бутурлин — невежд законодатель, где Шеппинг — царь, а скука — председатель» («Послание к кн. Горчакову»), «на берега пустынных волн, в широкошумные дубровы» («Поэт»).

Описания природы проникнуты у Пушкина глубоким чувством жизни и объективности. Он не мистифицирует природу, не ищет в ней тайного духа. Он не навязывает ей своих чувств. Пушкин знает, что природа равнодушна. Но природа прекрасна своей живой гармонией; своими многообразными красками она дает человеку наслаждение созерцания. Глубоко прав был Белинский, когда писал об изображении природы Пушкиным:

«Он созерцал ее удивительно верно и живо, но не углублялся в ее тайный язык, оттого он рисует ее, но не мыслит о ней... Для Пушкина она была полная невыразимого, но безмолвного очарования живая картина».

По М. Ледневу

Природа в поэзии Пушкина одухотворена. В ее картинах в символической форме представлены общественные, социальные переживания и представления поэта, рисуется судьба великого творца. Так стихотворение «Кавказ» кажется чистым пейзажем, но нет, в этом пейзаже — лирическая аналогия: и Пушкина теснили немые громады, только не скалы, а николаевской действительности, и он рвался на волю, как зверь из железной клетки.

Картины природы в лирике Пушкина исполнены глубокого чувства. В его произведениях впервые в русской литературе природа дана реалистически, с ее местным колоритом, в ее связи с жизнью человека.

Живописною кистью Пушкина запечатлены Украина, Крым, Кавказ, северный пейзаж. С особенно теплым чувством рисовал Пушкин русскую природу, деревенский пейзаж:

Люблю песчаный косогор.
Перед избушкой две рябины.
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи —
Да пруд под сенью лип густых,
Раздолье уток молодых...

Одинаково проникновенно поэт рисует зиму в стихотворениях «Зимняя дорога», «Зима, что делать нам в деревне», «Зимнее утро» или «В поле чистом серебрится...», осень — в «Осени».

По Ф. Луценко